

МАСТЕРСКАЯ СЛОВА

Артём ВЕРБИЦКИЙ

А что будет потом?

• Рассказ

– Вот несчастье! – отец сморщил лоб, открывая капот машины. – Ну посмотрим, что на этот раз приключилось...

Женя, опустив стекло, с любопытством высунулся из окна и окинул взглядом пространство вокруг. Чудо инженерной мысли заглохло на просёлочной дороге, прямо посреди поля, когда до деревни бабушки и дедушки оставалось доехать совсем чуть-чуть: её хоть ещё и не было видно, но мальчик точно помнил, что она начиналась за высоким лысым холмом, который виднелся вдаль.

– Эх, ведро с гайками! Ну чего тебе не хватает-то? – отец исчез в пасти капота и принялся что-то подворачивать в железном нутре машины. После нескольких минут безуспешного колдовства над двигателем он перевёл свой взгляд сначала на простор вокруг, а затем на сына.

– Выйди хоть, ноги пока разомни.

Женя открыл дверцу и, выбравшись из машины, стал с любопытством рассматривать всё вокруг. Этим маршрутом они ездили в деревню столько лет, сколько он себя помнил, но здесь ни разу не останавливались. По обе стороны дороги буйствовали травы. Хотя, казалось бы, как вообще может буйствовать скудная степная растительность? Однако шестилетнему мальчику трава была по пояс, а в некоторых местах могла дотянуться до груди. Утренний пейзаж был безмолвен: вся живность ещё дремала в своих норах, а сверчки, уже отыграв ночные арии, отправились спать. Лишь прохладный утренний ветерок, изредка набегая, что-то нашёптывал зелени бурьяна. Солнце уже показалось на небосклоне, но, видимо, ещё не продрав глаза, смотрело мутно и не грело. Стёжившись от холода, Женя подбежал к отцу.

– Что, замёрз?

Мальчик кивнул.

– Ну погоди, сейчас уж припекать начнёт. Возьми пока термос из машины, чайком погрейся.

Через пару минут Женя сидел на ящике с инструментами в обнимку с термосом и глядел поочерёдно то на сияющее приятной голубизной чистое утреннее небо, то на отца, продолжающего копаться под капотом.

– Пап, а мне же шесть лет?

– Ну да, – последовал ответ от сторбенной над двигателем фигуры.

– А город, ну, в котором мы живём, старше меня?

– Ещё бы! – усмехнулся отец. – На двести с лишним лет, даже почти на триста.

– А это очень много?

– Очень!

– А бабушка уже родилась тогда?

– Нет, конечно! Даже бабушки твоей ещё тогда не было.

Женя уставился в точку на горизонте, переваривая поступившую информацию.

– А что же тогда было?

Отец перестал возиться в двигателе и, выпрямившись, посмотрел в том направлении, где должен был находиться город.

– Река была. Глубокая. Судоходная. Яик называлась. По ней в те времена граница проходила. С одной стороны мы были, а с другой – племена разные степные. И решили тогда на реке крепость построить, чтобы границы обезопасить. Сначала город-крепость заложили в одном месте, далеко отсюда, на Ори, но не получилось. Потом ещё раз, уже в другом – и опять неудачно. А на третий раз – там, где он сейчас находится. И назвали его Оренбургом, это «город-уши» в переводе.

Женя взглянул на море травы вокруг, по которому ветер гнал зелёные, мягкие волны. И вдруг море посинело, обочина превратилась в обрывистый берег, возвышающийся над голубой гладью, а рядом выросла крепость, с башенками, пушками в бойницах и огромными розовыми ушами.

«Уши, наверное, чтобы лучше слышать, что на том берегу происходит», – по-



думал мальчик. Но мысль, промелькнувшая в следующую секунду у него в голове, заставила усомниться в правдивости отцовского рассказа.

– Но ты же говорил, что наша река Урал называется? А где этот Яик тогда, я его что-то не помню.

– Так это он и есть. Просто его переименовали.

– Зачем?

Отец облокотился на крыло и, сощурился глаза, посмотрел вперёд, на дорогу.

– Был такой человек – Емельян Пугачёв. Он восстание против власти поднял, хотел себя царём провозгласить. Очень много людей за ним пошло. Восстание очень кровавое случилось, много людей погибло. А проходило оно в наших местах в основном. Но Оренбург смог дать отпор Пугачёву: хоть восставших было куда больше, чем солдат в городе, но крепость бунтующим взять не удалось. И чтобы имя Пугачёва забылось, как и события те, вышел указ Яик переименовать в Урал, дабы великая река не осталась символом того бунта.

Синяя гладь застыла и покрылась льдом, по которому брели люди. А впереди шёл высокий сильный человек с густой чёрной бородой. «Емельян», – догадался Женя. Они подошли к обрыву и стали смотреть на крепость, возвышающуюся над ним. Но вдруг за каменной стеной что-то громыхнуло и в сторону бунтовщиков полетело чугунное ядро. Пугачёв нахмурил брови и повёл людей дальше, уходя прочь от пограничного города.

– А откуда ты это всё знаешь, если реку даже специально решили переименовать, чтобы люди о восстании забыли?

Отец пожал плечами:

– Видимо, не получилось так сделать, чтоб забыли все. На то она и история, чтобы про это кто-то помнил. И потом, помнишь, как мы Пушкина с тобой читали? Он тоже тут побывал, приезжал собирать рассказы о том бунте, чтобы потом о тех событиях написать. И написал. Вот пойдёшь в школу, там вы будете проходить на уроках литературы Пушкина – «Капитанская дочка» та его книга называется.

К крепости на обрыве подъехала карета, из которой вышел смуглый кудрявый человек. «А это Пушкин!» – понял мальчик. Человек зашёл в крепость, вернулся оттуда довольный, с кипой исписанных листов, запрыгнул в карету и уехал.

Отец взял гаечный ключ и вновь нырнул под капот:

– И потом ещё много чего у нас было: после революции лётное училище открыли, в нём учился Гагарин – да, тот самый, первый космонавт. А в честь другого зна-

менитого лётчика-испытателя – Чкалова – наш город одно время назывался.

– И город что, тоже переименовывали?! А что на этот раз надо было забыть?

– Не забыть, а, наоборот, – помнить. Помнить имя великого лётчика и его заслуги.

Женя сморщил лоб:

– То переименовывают, чтобы забыть, то, чтобы наоборот, – помнить. Сложности какие.

Отец захлопнул капот и вытер рукой испарину со лба.

– Ну, вставай, кажется, готово, поехали. И так уже опаздываем.

Крепость с башенками мгновенно исчезла, ледяная гладь пропала, на поле зашумели травы, и обрыв вновь стал обочинной просёлочной дороги.

Женя поднялся с ящика и, прихватив теперь уже полупустой термос, отправился на своё место в машине – сзади, справа. Оно ему нравилось тем, что можно было смотреть и на проплывающие за окном пейзажи, и на отца, ведущего машину. Видимо, колдовство под капотом прошло успешно – автомобиль, глухо заурчав, тронулся, поднимая за собой пылевое облако.

– Чего задумался, боец? – отец глянул на сына в зеркало заднего вида.

– Да просто, – вздохнул мальчик. – Раньше, оказывается, столько всего было, а сейчас ничего не происходит. Скучно.

– Да ну как же ничего? – нахмурился отец. – Город живёт, развивается, становится чище, красивее. Газ добывают, нефть качают, дома строят. Обычное мирное время. Да, сейчас нет никаких восстаний и ничего не собираются переименовывать, но это не значит, что раньше было интереснее.

Отец замолчал на секунду и, выдохнув, продолжил:

– Ну а если не в таком глобальном смысле, то я сейчас тебя к бабушке с дедом завезу, они тебе точно скучать не дадут. Как вахта закончится – заберу. А осенью в школу пойдёшь, уж там-то точно не скажешь, что ничего не происходит.

После этого, подмигнув Жене в зеркале, он сосредоточился на дороге.

– Пап, а что будет потом? После бабушки, после школы? После всего? Что будет, к примеру, с нашим городом, ну или Яиком-Уралом?

Отец, чуть повернув голову к сыну, спокойно ответил:

– А что будет потом – зависит только от тебя.

с. Павловка

■ НА КОНКУРС «МАСТЕРСКАЯ СЛОВА»

Анатолий НИКИТИН

Сакмарская
лирическая

А в Сакмаре вода чистая,
Я вдоль берега иду.
Расскажи мне, речка быстрая,
Где я милую найду.

У неё глаза зелёные,
Как сакмарская вода,
А фигурочка точёная
И походка хоть куда.

Загорает моя девочка
На сакмарском берегу.
На песок прилягу с милую,
Про любовь свою скажу.

Загляну в глаза зелёные,
Прикоснусь к её губам,
И тебя, моя красивая,
Никому я не отдам.

Будем жить мы с нею весело
У Сакмары у реки,
Где рыбачить будут поутру
Наши дети-казаки!

За улыбку твою

Посвящается
медсестре Наташе

А в палате тоска, всем болеть надоело.
Вдруг вошла медсестра –
и вокруг посветлело,
Улыбнулась она –
без лекарств полегчало.

Ах, Наташа-душа, ты была у нас мало.
Как увижу тебя, сразу легче на сердце,
Словно в прежнюю жизнь
открывается дверца.

Ты улыбкой своей
лечишь вместо уколов,
От сердитых больных
не бывает укуров.

Знаю, жизнь нелегка –
что ни день, то проблемы.

Мы беседуем с ней на различные темы:
Как возможно прожить
на такую зарплату,

Как квартиру снимать
за огромную плату.

Не сдаётся, спешит
на работу с улыбкой,

Выбор доли своей не считая ошибкой.
Я хочу, чтоб была

она в жизни счастливой
И до старости лет
всё такой же красивой.

Продолжается времени бег,
Жизнь проходит, и ты уже старый.
Снова белый नेताющий снег
Засыпает поля и кварталы.
Наступает в душе тишина,
Ничего ей, усталой, не надо –
Ни любви, ни хмельного вина,
В ней покой обгоревшего сада.
И ничто не тревожит покой,
Только дни, как составы, бегут,
Только снишься ты мне той весной,
Когда яблони снова цветут.

Случайная встреча

Эта случайная встреча –
Словно по сердцу ножом.
Думалось, вылечит время
Рану, болящую в нём.
Стала ещё ты красивой,
Лучший цветок на лугу...
Здравствуй! Хочу улыбнуться,
Только никак не могу.

Рядом с тропинкой цикорий –
Синий, как небо, цветок.
Здесь навсегда я запомнил
Твой молчаливый упрек.
Тёплые летние ночи
Больше не встретим вдвоём,
И пощадить не захочет
Рана, что в сердце моём.

Будет ночами мне снится:
Дикий цикорий цветёт,
Встреча на узкой тропинке,
Счастье, что мимо пройдёт.
Душу мою будет нежно
Греть огонёк той любви.
Бережно и безутешно
Память его сохранит.

1978–2001

п. Чебенки

Фото Алексея КИРИЛОВА